Андрей Самодин

Оптический обман Джеймса Скотта

В статье представлена попытка понять, существует ли у государства собственная оптика, отличный от других институтов познавательный инструментарий. Книга Джеймса Скотта, в которой была поставлена проблематика «оптики государства», стала своеобразным учебником по данному вопросу. Тем не менее, подробный разбор аргументации Дж. Скотта показывает, что описанные им характеристики «оптики государства» (прежде всего, логика государственных упрощений), свойственны всем институтам Модерна, имеющих дело с управлением жизнедеятельностью людей.

Ключевые слова: Оптика государства, Модерн, государственные упрощения.

Введение

Язык описания государства и государственных институтов во многом построен на метафорах, имеющих антропоморфное происхождение. В основе таких словосочетаний как *глава* государства, государственные *органы*, *надзорные* органы, *недальновидная* политика лежит метафора государства как живого организма. По словам Брюно Латура, «мы часто метафорически говорим, что государства имеют „головы“ (речь идет о главах государства, т. е. президентах, премьер-министрах и пр. — А. С.), но мы редко задумываемся над тем, какими когнитивными инструментами они должны быть наделены»[1]. В этой статье мы как раз хотим обратиться к тому, как государство получает информацию, какую информацию оно получает, как эта информация интерпретируется и какую репрезентацию действительности оно в итоге имеет. Это ключевые вопросы в разговоре об оптике государства.

Андрей Александрович Самодин — политолог (ВШЭ, 2009; магистр политических исследований Манчестерского университета, 2011). Работал в Фонде «Общественное мнение», в Московском институте социально-культурных программ.

1 Latour B. How to think like a state // The thinking state?/WRR-Lecture 2007: Scientific council for government policy, 2007. P. 1.

В данной статье предпринимается попытка понять, существует ли у государства специфическая оптика, особенный когнитивный инструментарий, отличный от других институтов. В качестве отправной точки была выбрана книга Джеймса Скотта «Благими намерениями государства»[1]. Ее русский перевод украшен аллюзией на выражение «благими намерениями вымощена дорога в ад». Это по-своему удачное решение, к сожалению, скрадывает одну из проблематик, которую Дж. Скотт заложил в своем исследовании. В оригинале книга называется «Seeing like a state», что дословно переводится «видеть как государство».

На богатом эмпирическом материале Дж. Скотт показывает, что у государства есть свой особый взгляд на все, что находится под его управлением. Этот «взгляд» воспринимает окружающий мир схематично и упрощенно. С одной стороны, это позволяет государству элементарно функционировать, потому что во всей своей сложности реальность для государства принципиально непознаваема. С другой стороны, производимые государством упрощения и схематизации чрезмерно искажают реальность, что ведет к практической неадекватности теоретически хороших политических мер.

Одна из ключевых метафор в исследовании Дж. Скотта — это метафора зрения как присущего государству инструмента познания. Государство что-то видит, а что-то — нет. В попытках разобраться с оптикой государства метафора зрения больше затуманивает, чем проясняет исследуемый феномен. Утверждение, что государство что-то не видит, имеет два смысла. Первый смысл возникает в результате работы метафоры: «плохое зрение» государства не позволяет ему обладать всей полнотой информации об окружающем мире, в результате решения оказываются недостаточно продуманными, а последствия недооцененными. Этот смысл наиболее четко обозначен не в этой работе, а в эссе «Что видно и чего не видно», написанном в XIX веке французским экономистом Фредериком Бастиа[2]. Он описывает случаи «близорукости» при принятии политико-экономических решений: «обратная сторона медали» каждого решения остается неучтенной, в результате чего бремя какой-то проблемы не снимается, а перераспределяется. Проблема решения не находит, хотя этого и не видно. «Государство открывает дорогу, строит дворец, исправляет улицу, роет канал; этими предприятиями оно, с одной стороны, доставляет работу некоторым людям, это видно;

1 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005.

2 Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Москва: Социум, 2006.

но с другой стороны, оно отнимает работу у некоторых других людей, это то, чего не видно»[1].

Второй смысл утверждения «государство не видит X» связан как раз с оптикой государства. «Подобно американским полицейским на скоростных шоссе, надевающим зеркальные солнцезащитные очки, власти с помощью своих упрощений получают возможность наблюдать только определенные аспекты жизни общества»[2]. Государство не видит в силу особенностей устройства «очков», которыми оно обладает. Эти «очки» захватывают лишь определенные аспекты реальности, все остальное остается неразличимым.

Работа Дж. Скотта вызвала немалый интерес не только благодаря примерам, которые занимают большую часть книги, но и благодаря самому подходу «видеть как», т. е. был актуализирован интерес к тому, как различные институты познают реальность. Самый общий вопрос касается того, можно ли по способу видения, по оптике определить институт и наоборот. Как будет показано, внимательное прочтение Дж. Скотта говорит о том, что «видеть как государство» может не только государство. Эта оптика свойственна всем институтам Модерна. Тем не менее, вопрос о том, является ли эта оптика единственной и всеобъемлющей даже для государства остается открытым.

Реконструкция оптики государства у Дж. Скотта

К оптике государства Дж. Скотт приходит через анализ провалов случаев государственного вмешательства — масштабных модернизационных проектов. По мнению Дж. Скотта, для того, чтобы утопический государственный проект обернулся неудачей, провалом, необходимо сочетание четырех элементов: государственных упрощений, идеологии высокого модернизма, авторитарного государство и слабого гражданского общества[3]. Собственно, ключ к оптике государства и кроется в этом пока достаточно широко обозначенном элементе — «государственные упрощения».

Государственные упрощения — это информация о реальности, представленная в виде абстракций, типизаций, классов и пр. Уменьшать сложность, количество характеристик реальности является единственным способом сделать их доступными понима-

1 Там же. С. 29.

2 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005. С. 130.

3 Там же. С. 21–23.

нию, без этого государственное управление становится просто невозможным. Государство не имеет дела с реальностью, даже с реальностью в усеченном виде — оно имеет дело с артефактами, которые и являются конечным источником информации: «Государственные схематические упрощения, такие, как карты, переписи, кадастровые списки и стандартные единицы измерения, представляют способы отражения многообразной и сложной действительности, нужные для того, чтобы чиновники могли постичь общую картину и упростить сложную действительность до схематических категорий»[1].

Дж. Скотт выделяет пять характеристик данных, на которые опирается государство при принятии решений. Они являются основой для понимания работы механизмов оптики государства[2].

Во-первых, данные, которыми обладает государство, утилитарны, то есть описывают только интересующие государство аспекты реальности. Дж. Скотт исходит из того, что государство должно выполнять некоторые функции: собирать налоги, рекрутировать в армию, обеспечивать порядок и прочее[3]. То есть в поле зрения государства попадают только те аспекты реальности, которые позволяют ему исполнять его функции или способствуют достижению его целей.

Во-вторых, данные практически всегда задокументированы или записаны. Для этого в государстве существуют, например, статистические агентства, которые формализуют собранные данные в виде различных статистик и отчетов. То есть носителем данных является не конкретный человек, а архивы, доступ к которым согласно своим полномочиям имеют государственные служащие.

В-третьих, записанные факты являются статичными, иначе говоря, это всегда данные приходятся «на момент времени»: «...То, что фактически случилось между, скажем, наблюдением А и наблюдением В, остается тайной, которая прикрывается в соответствии с соглашением простым соединением этих двух моментов сбора

1 Там же. С. 127.

2 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005. С. 131.

3 Рассуждения о функциях государства не должны уводить нас в сторону от рассмотрения желательной степени вмешательства. Хотя работа Дж. Скотта воспринималась многими, как «гимн Фридриху Хайеку, рыночной координации, децентрализации и либеральной демократии» (Scott J. C. A reply to Hardin, Ostrom, Niskanen, and Eudaily. Seeing like a state by James C. Scott // The good society. 2001, Vol. 10), к государственным упрощениям это не имеет отношения.

данных»[1]. Таким образом, решения принимаются не на основе «видеозаписи», а на основе «фотографий» реальности.

В-четвертых, большинство данных являются агрегированными, то есть это не данные о конкретных объектах измерения. «Личные» характеристики практически отсутствуют: в основном государство имеет дело с «уровнями», «средними» и т. п.

Наконец, в-пятых, данные подчиняются условию сравнимости, следовательно, они должны быть стандартизованными. У государства есть некоторый набор критериев и шкал, под которые должны подходить объекты реальности. В случае, если объект не подходит под созданное описание, государство старается его преобразовать (то есть отформатировать в соответствии со своими категориями). Государство модерна делает этот шаг, навязывая свои категориальные сетки: «От упрощенного описания общества к его проектированию и манипуляциям с ним во имя его совершенствования — шаг небольшой»[2].

Государственные упрощения дают неполное или искаженное представление о реальности. Провалы государственной политики обусловлены, в первую очередь, именно этим обстоятельством, а не глупостью людей принимающих решения. Успешность государственной политики возможна благодаря тому, что государство паразитирует на неформальных процессах, которые основаны на местном практическом знании — метисе, являющимся предшественником современного научного знания. Формальные предписания могут выполняться лишь благодаря практическому знанию, которое они же и стремятся истребить и «игнорируют, часто до полного подавления практически всех навыков, без которых немыслима сложная деятельность»[3]. Фактически речь идет о конфликте двух типов знаний — стандартизированного, схематичного знания государства и неформализованного, практического знания местных сообществ. Ни без одного из них функционирование государства невозможно.

Между тем, тезис о конфликте двух знаний не является бесспорным. Например, на уровне города можно предположить более сложную связь. С одной стороны, «видеть как город», действительно во многих отношениях значит «видеть как государство», но, с другой стороны, «история государственного управления показывает, что города могут использовать и модернистский (т. е. основанный на упрощениях — А. С.), и премодернистский (т. е. основанный

1 Скотт Дж. Указ. соч. С. 144, прим. 79.

2 Там же. С. 144, прим. 155.

3 Там же. С. 496.

на практическом знании) способ видения»[1]. То есть в принципе город (а скорее муниципалитет) может попробовать понять сложность и разнородность реальности. Но здесь опять за скобками остается вопрос о том, как эта реальность познается.

Логика упрощений

Упрощения появляются в результате создания категориальной сетки и единиц измерения, которыми оперирует государство. Любой объект изымается из реальности, в которой он существовал, измеряется и классифицируется. Все измеренные и классифицированные объекты и составляют реальность, которую видит государство; информация об этих объектах составляет «банк знаний» государства. Область «видимой реальности» государства определяется целями государства: «Если государство ограничивается минимальными целями, ему может и не потребоваться большой объем знаний об обществе»[2]. Чем больше целей оно перед собой ставит, тем больше категорий, классификаций и абстракций оно создает. Это, однако, не означает того, что все процессы могут быть формализованы, то есть, что государство сможет познать реальность во всей сложности. Реальность, которую видит государство, состоит из упрощений, которые оно само же и создало.

С одной стороны, упрощения нужны для того, чтобы сделать объект управления более понятным, более прозрачным. С другой стороны, именно упрощения создают этот объект управления. Так, перепись является одним из инструментов одновременного создания объекта и «зоны прозрачности». Лучшим примером послужит описание категорий переписи Федерации малайских штатов, которое приводит Бенедикт Андерсон[3]. Он показывает, как конструировалась категория «малайцев». Каждый житель переписываемой территории должен был найти в категориальной сетке свое место, однако удивительно, как люди вообще могли поместить себя в ту или иную ячейку: «Эти „идентичности“, *рожденные воображением (невнятно) классифицирующего ума* колониального государства, еще только *ожидали своей реификации*, которая вскоре стала возможна благодаря имперскому административному проникновению»[4].

---

1 Valverde M. Seeing like a city: the dialectic of modern and premodern ways of seeing in urban governance // Law and society review. 2011. Vol. 45, № 2. P. 308.

2 Скотт Дж. Указ. соч. С. 144, прим. 292.

3 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об и истоках и распространении национализма. Москва: Канон-пресс-Ц, 2001.

4 Нас не должны смущать слова об «имперском административном проникновении». Дж. Скотт также считает, что при приведении общества под стан-

Государство не просто навязывает некоторую сетку наблюдений, но и преобразует реальность в соответствии с ней, то есть государство занимается не просто управлением, оно занимается изменением и организацией общества: «Утопическая, неизменная, постоянно недостигаемая цель современного государства состоит в том, чтобы свести хаотическую, беспорядочную, постоянно изменяющуюся социальную действительность к чему-то такому, что было бы приближено к административной сетке наблюдений»[1].

Государство старается гомогенизировать население, сделать его характеристики менее сложными и разнородными. Скотт приводит метафору научного лесоводства как государственного управления. Все управляемое государством изначально представляет собой дикий, неконтролируемый лес, который необходимо преобразовать в однородный, регулярный, а, следовательно, управляемый лес. У этого леса будут характеристики, соответствующие целям лесников. Никакие другие характеристики оказываются ненужными, более того, они «мешают работать».

Такие манипуляции реальностью в принципе возможны, потому что «государство в совокупности своих институциональных установлений наилучшим образом подготовлено к тому, чтобы настаивать на обращении с людьми согласно своей схеме»[2]. Иначе говоря, все упрощения, схематизации и категоризации внедрены в суть государственных институтов. Только с этими стандартами государственные институты и работают. Пока альтернатив государственным институтам в выполнении каких-то функций нет, гражданам приходится принимать навязанные стандарты.

Оптика в Новом времени

Весь предыдущий анализ оптики государства был построен на вынесении за скобки вопроса о том, что означает слово «государство» в этом словосочетании. Задача состоит в том, чтобы понять, что имеется в виду под словом «государство», когда мы говорим о его оптике. Есть ли что-то, что принципиально отличает оптику государства от любой другой оптики? Почему упрощения именно государствен-

---

дарты административных наблюдений, по сути, речь идеет об имперском проекте. «Стремление к однородности и порядку предупреждает об опасности того несомненного факта, что современно управление государством является в значительной степени проектом внутренней колонизации, часто истолковываемой на языке империалистической риторики как «цивилизующая миссия» (Скотт Дж. Указ. соч. С. 134).

1 Скотт Дж. Указ соч. С. 133.

2 Там же. С. 134.

ные? Можно ли дифференцировать государство среди других институтов по характеристикам его оптики?

Прежде всего, зафиксируем некоторые принципиальные положения. Говоря о государстве и его упрощениях, Дж. Скотт сам делает значительные упрощения. Под словом «государство» он чаще всего подразумевает большой бюрократический аппарат, распространяющий идеалы рационализма на общество и природу. Государство выступает у него как нечто единое, имеющее свою волю, что-то, что находится над обществом и видит необходимость в управлении им. Он не описывает ни предпосылки, ни условия возникновения государства. Все, что мы имеем, это слова о том, что «большинство государств „моложе", чем общества, которыми они претендуют управлять»[1]. То есть, в отличие от общества, которое динамично и изменчиво, государство оказывается неизменной и статичной формой.

Хотя Дж. Скотт и делает различение между премодерном и модерном, государство также остается некоторой неизменной формой. У государства премодерна и модерна различаются потенциальные способности воздействовать на людей и территорию, поскольку они обладают разной по качеству и количеству информацией. С началом Нового времени, благодаря государственным упрощениям, государство стало «прозревать». Государственные упрощения являются продуктом эпохи Модерна.

Таким образом, при значительной неопределенности относительно того, что же считать государством, какие у него формальные характеристики, отличающие его от других институтов, мы можем сказать только, что государство делает некоторые упрощения. Если перевернуть логику, то государство определяется через упрощения: тот институт, который работает посредствам механизма государственных упрощений, есть государство. Но эта логика не срабатывает. Стандартизированные абстракции являются «воздухом, которым мы дышим, как современники модерна»[2]. У государства нет монополии на создание упрощений. Последняя соломинка, за которую мы можем ухватиться в поисках и определении оптики государства — это ответ на вопрос, упрощают ли остальные институты реальность так же, как государство? Есть ли различия в механизме упрощений государства и механизмах упрощений других институтов? Иначе говоря, можем ли мы по механизму упрощений определить институт?

---

1 Скотт Дж. Указ. соч. С. 292.

2 Scott J. C. A reply to Hardin, Ostrom, Niskanen, and Eudaily. Seeing like a state by James C. Scott // The good society. 2001. Vol. 10, № 2. P. 49.

Оптика капиталистического рынка

Механизм государственных упрощений был сформирован во многом под влиянием рынка. Например, описывая научное лесоводство, Дж. Скотт замечает, что «логика управляемой государством лесной науки оказывалась практически идентичной логике коммерческой эксплуатации»[1]. Эта идея проходит через примеры с городским планированием, организацией сельского хозяйства и пр. Государство во многом рассматривает реальность как набор ресурсов, которые необходимо правильным образом использовать, то есть оптика государства, которую описывает Дж. Скотт, настраивалась под влиянием капитализма, если не сказать больше — была перенята у капитализма.

К феномену капитализма, глобального рынка равно применим анализ в категориях государственных упрощений. Сейчас глобальный капитализм берет своеобразный реванш у государства, становясь после нескольких веков доминирования государства, главной силой гомогенизации и стандартизации: «Крупномасштабный капитализм — точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и решительного упрощения, как и государство»[2].

На этот тезис обратил внимание в своей статье «Благими намерениями нефтяной компании» Дж. Фергюсон, который попытался оспорить тезис о том, что «современный глобальный капитализм работает посредством механизма гомогенизации и стандартизации пространства»[3]. Международные корпорации, занимающиеся добычей полезных ископаемых, вовсе не гомогенизируют территорию, как это делает государство, а вместо этого создают замкнутые анклавы, фактически вырванные из рамок территорий национальных государств, на которых они находятся. Глобальный капитализм не формирует единого, связного и гомогенного пространства, на котором действуют одни и те же стандарты, а работает в условиях множества разбросанных точек на земле. Этот анализ, тем не менее, нельзя считать доказательством того, что глобальный капитализм не выполняет функции гомогенизации территорий. Дж. Фергюсон полностью игнорирует внутреннее устройство анклавов. Если речь идет о международных корпорациях, то определенно можно утверждать, что для всех подразделений действуют одни и те же стандар-

1 Скотт Дж. Указ. соч. С. 24.

2 Там же. С. 26.

3 В оригинале — «Seeing like an oil company» — Ferguson J. Seeing like an oil company: space, security, and global capital in neoliberal Africa // American anthropologist. 2005. Vol. 107, № 3. P. 278.

ты работ и классификации специальностей, то есть анклавы одной компании гомогенны.

В этом смысле глобальные корпорации действуют в логике государства: гомогенизируют территорию, за которую отвечают. И, как ни странно, примеров конкретных инструментов, с помощью которых делает упрощения глобальный капитализм, нет ни у Дж. Скотта, ни у Дж. Фергюсона. «Мы узнаем об „инструментах разборчивости“ (legibility tools) государства (таких как переписи или карты), но не об «инструментах разборчивости» капитализма (таких как организационная диаграмма или бухгалтерия)»[1]. По сути, и карта, и бухгалтерский отчет являются упрощениями реальности, которые могут привести к печальным последствиям. Как поясняет Дж. Скотт, его книга обличает не только особенности государственного видения и действия, но также является протестом «против стандартизации и гомогенизации силами мирового рынка, которые относят к категории цены все местное разнообразие»[2].

Оптика международных организаций

Мы установили, что глобальный капитализм пользуется тем же механизмом создания упрощений, что и государство. Теперь обратим внимание на следующее замечание Дж. Скотта, которое он делает, говоря об упрощениях, позволяющих наблюдать общество: «эта привилегированная позиция удобна для тех учреждений, где важнее всего управление и контроль сложной человеческой деятельности. Монастырь, казармы, заводские корпуса и административная бюрократия (производственная или общественная) выполняют много функций, подобных государственным, и часто подражают его информационной структуре»[3]. Опять же, мы получаем, что все институты, имеющие дело со сложной человеческой деятельностью, как правило, прибегают к тому же механизму создания упрощений, что и государство.

В «Благих намерениях государства» Дж. Скотт сконцентрировал свое внимание в основном на анализе утопических проектов государства конца XVIII — середины XX века. Тем не менее, масштабные проекты по улучшению условий человеческой жизни продолжают появляться, только их агентами выступает не государство,

1 Mann M. Book review: Seeing like a state // The American journal of sociology. 1999. Vol. 104, № 6. P. 1814.

2 Scott J. C. A reply to Hardin, Ostrom, Niskanen, and Eudaily. Seeing like a state by James C. Scott // The good society. 2001. Vol. 10, No. 2. P. 50.

3 Скотт Дж. Указ. соч. С. 130.

а, прежде всего, негосударственные и международные организации, которые также пытаются сделать страны и общества, которые в них входят, прозрачными и познаваемыми: «Есть фундаментальная непрерывность между планировщиками из Всемирного банка и высокомодернистскими планировщиками, которых описывает Скотт: они позиционируют себя как эксперты, которые знают, как другие должны жить, они собирают и упорядочивают информацию согласно упрощенным схемам, они диагностируют дисфункции и разрабатывают интервенции для улучшения ситуации»[1]. Иначе говоря, сейчас международные организации делают то же самое, что и государство раннего модерна.

В этом смысле справедлива критика, указывающая на то, что виновники «катастроф включали государства, вооруженные силы, рынки, корпорации, классы, националистические движения и пр., которые все взаимодействуют сложными, запутанными и часто непредвиденными способами»[2]. Хотя разные акторы обладают разным потенциалом для принуждения к подчинению навязанным схемам и классификациям, и, в принципе, в равной степени ответственны за те упрощения, которые они создают, вместе с которыми они получают неадекватную репрезентацию реальности и, как следствие, оказывают разрушительное воздействие на территорию и общество, логика и функции этих упрощений остаются теми же самыми.

Тезис Дж. Скотта о том, что сегодня капитализм является главной гомогенизирующей силой, можно дополнить тем, что не только капитализм, но и международные организации выступают в роли агентов стандартизации. И эта стандартизация происходит на связных, непрерывных пространствах, в отличие от особенностей территориализации глобальных корпораций, на которые указывал Дж. Фергюсон. Если раньше национальное пыталось стандартизировать местные разнообразия, то сейчас региональное и глобальное старается стандартизировать национальные разнообразия. Это касается даже такой важной для национального государства области, как сбор налогов. Описывая деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Джейсон Шарман замечает, что «с ростом трансграничных экономических отношений, вызовом для сборщиков налогов стало сделать финансы и банковское дело разборчивым в глобальном масштабе, перейти от разнообразных и частных национальных устройств к всемирной, единой бюро-

1 Murray Li T. Beyond «the State» and failed schemes // American anthropologist. 2005. Vol. 107, No. 3. P. 384.

2 Mann M. Book review: Seeing like a state // The American journal of sociology. 1999. Vol. 104, No. 6. P. 1815.

кратической сетке»[1]. Агентом создания такой разборчивости и выступает ОЭСР. Точно такие же механизмы познания используют и другие международные организации и НКО. А их влиятельность, власть определяется тем, насколько хорошо их классификации, схемы и категории были приняты и насколько твердо на них ориентируются.

Заключение

Из-за книги «Благими намерениями государства» Дж. Скотта называли анархистом, сторонником невмешательства государства в экономику, противником авторитарных режимов и так далее[2]. Конечно, в книге нельзя не отметить некоторый морализаторский тон, но, если говорить о той части, в которой Дж. Скотт говорит об оптике государства, то она как раз лишает нас возможности определить, сторонником каких идей выступает автор. Если говорить о государствах, то как авторитарные, так и демократические государства используют одни и те же техники познания мира, определения и решения проблем. «Корень зла» лежит не только и не столько в подготовке экспертов или верности госслужащих. Проблема изначально заключается в том, что государства значительно упрощают действительность, получают ее неадекватную репрезентацию и потом действуют в соответствии с этой репрезентацией. Но современное государство было бы невозможно без этих механизмов. Оно не смогло бы должным образом выполнять свои функции.

Дж. Скотт представляет историю нескольких последних веков как постоянное и необратимое распространение научного рационализма, который вытесняет собой практическое знание. По его мнению, метис не только не может быть упрощен в схемы и формулы[3], но он и не может сосуществовать с официальными упрощениями, их отношения по определению конфликты, хотя, как было показано, это является спорным тезисом[4].

Оптика, которую описал Дж. Скотт, в эпоху модерна стала стандартом для любых институтов, имеющих дело с управлением жизнедеятельностью людей. В этом смысле любой институт эпохи модерна «видит как государство», то есть книгу Дж. Скотта следует

1 Sharman J. C. Seeing like the OECD on tax // New political economy. 2012. Vol. 17, № 1. P. 17.

2 Keller M. Looking at the state: an American perspective // The American historical review. 2001. Vol. 106, № 1.

3 Скотт Дж. Указ. соч. С. 502.

4 Valverde M. Seeing like a city: the dialectic of modern and premodern ways of seeing in urban governance // Law and society review. 2011. Vol. 45, № 2.

рассматривать не как источник для знаний об оптике государства, но как источник знаний об оптике институтов модерна, основанный, в первую очередь, на примерах из области государственного управления. В начале этой работы показывались сложности метафоричности языка Дж. Скотта и проводился разбор того, что значит «видеть». В действительности же, мы обнаружили, что главной метафорой в этом словосочетании является не «видеть», а «государство».

Библиография

1. *Broome A., Seabrooke L. Seeing like the IMF: Institutional change in small open economies // Review of international political economy, vol. 14, No. 4, 2007.*
2. *Ferguson J. Seeing like an oil company: space, security, and global capital in neoliberal Africa // American anthropologist, vol. 107, No. 3, 2005.*
3. *Keller M. Looking at the state: an American perspective // The American historical review, vol. 106, No. 1, 2001.*
4. *Latour B. How to think like a state // The thinking state?/WRR-Lecture 2007: Scientific council for government policy, 2007.*
5. *Mann M. Book review: Seeing like a state // The American journal of sociology, vol. 104, no. 6, 1999.*
6. *Mortensen J. L. Seeing like the WTO: numbers, frames and trade law // New political economy, vol. 17, No. 1, 2012.*
7. *Murray Li T. Beyond «the State» and failed schemes // American anthropologist, vol. 107, No. 3, 2005.*
8. *Scott J. C. A reply to Hardin, Ostrom, Niskanen, and Eudaily. Seeing like a state by James C. Scott // The good society, vol. 10, No. 2, 2001.*
9. *Sharman J. C. Seeing like the OECD on tax // New political economy, vol. 17, No. 1, 2012.*
10. *Valverde M. Seeing like a city: the dialectic of modern and premodern ways of seeing in urban governance // Law and society review, vol. 45, No. 2, 2011.*
11. *Vetterlein A. Seeing like the World Bank on poverty // New political economy, vol. 17, No. 1, 2012.*
12. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об и истоках и распространении национализма. Москва: Канон-пресс-Ц. 2001.*
13. *Бастиа Ф. Что видно и чего не видно. Москва: Социум. 2006.*
14. *Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва: Университетская книга, 2005.*